

Май 1983, 3162, N 55

Уильям
Сароян

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Как я чуть
не познакомился
с Джеймсом
Джойсом

Я не был знаком с Джеймсом Джойсом, но однажды мы чуть было не встретились, и мне захотелось рассказать об этом моем двоюродном брате.

Речь шла, конечно, о Джеймсе Джойсе, но по тому, как мои братья переглянулись, я понял, что они сейчас скажут: «Это что, шофер компании «Снейки Тракс»? У «Снейки» есть шофер по имени Джим Джойс...»

— Это было в начале лета рокового 1939 года, — говорю я. Мои смекалистые братья делают удивленные глаза и, види-

мо, придумывают, как бы им улизнуть, пока не началось это длинное нравоучительное повествование. — Каждый из нас знал, — продолжал я, — что эту гибельную, разрушительную войну уже не предотвратить и что «вестники смерти» уже оседали своих коней и повернули их в сторону Парижа. Вот мне и захотелось напоследок еще раз взглянуть на этот знаменитый город, а затем уж назад, в Нью-Йорк, назад, в Сан-Франциско, где меня должны были мобилизовать и, может быть, бросить под копыта этих взбесившихся коней.

— Кто тебе больше всего понравился в седьмом заезде в Бей Медоуз, коли уж речь зашла о лошадях? — спросил Хачик.

— Сказать по правде, — продолжал я, пропустив мимо ушей это замечание и ограничившись лишь укоризненным взглядом в сторону Хачика, — в душе мне было очень жаль людей. Всякий раз, когда я встречал кого-нибудь, кому, на мой взгляд, предстояло прожить еще по меньшей мере лет двадцать, я переживал за него, как за самого себя, ибо знал, что каждый десятый падет жертвой грядущей

катастрофы, трое из десяти останутся изувеченными, а все вместе они получат в наследство хаос этого мира, голод, разрушенные жилища, потерю близких, финансовое банкротство, зубную боль, отвращение к правительству, недовольство политикой Соединенных Штатов и не слишком нежное отношение к папе римскому, который жил себе поживал в своем Ватикане и имел отличное трех-, а если надо, и четырехразовое питание.

Однажды днем в субботу я бродил по парижским улицам и разглядывал великолепные здания, которые вскоре после этого были покинуты законным французским правительством, вынужденным скрыться или эмигрировать по милости главного чудовища западного мира, кого презрительно называли «ефрейтор Шильгребер» и чей псевдоним «Гитлер» вызывал всеобщую ненависть и страх. Освальд Шпенглер был прав, предсказывая в своей знаменитой книге*, что этот слабоумный человечек, который двигался, как заводной оловянный солдатик, и тем не менее сумел за-

* Имеется в виду книга «Закат Европы».

ставить весь немецкий народ приветствовать каждое свое появление истерическими криками, окажется виновником заката Запада.

— Прекрасно, прекрасно, Вилли, — сказал мне мой брат Хачик, — клянусь богом, никто не умеет так интересно рассказывать, как ты.

— Вдруг, — продолжал я, — я очутился перед книжным магазином «Шекспир и компания», и мне стало любопытно, кто додумался дать магазинчику на улице Одеон на левом берегу Сены такое название.

Девушка-продавщица немедленно набрала номер Джеймса Джойса и передала мне трубку.

Я сказал:

— Мистер Джойс, я нахожусь в городе и очень хотел бы зайти к вам.

Джойс ответил:

— Хорошо, как насчет среди часа в четыре?

Я сказал:

— Прекрасно, сэр, — хотя собирался сказать: «Я сегодня улетаю», — но подумал, что и так, сам того не желая, достаточно его побеспокоил.

Вот как это было.

Вечером того же дня я улетел в Лондон, так и не познакомившись с Джеймсом Джойсом.

А через несколько дней в Дублине я встретился с Фрэнком О'Коннором, Шоном О'Фаоленом, Нилом Монтгомери и Брайеном О'Ноланом*.

— Да, — вздохнул Гурген, — А в кем еще ты чуть не познакомился?

* Ирландские писатели.

мной происходило, я реагировал молниеносно, поэтому я сказал:

— Да, сэр.

— Я так и подумал, — ответил мужчина. — Я не раз видел тебя там, в сиротском приюте. Не помнишь меня? Эдгар Эллис, заведующий прачечной. Когда вы, ребятишки, устраивали спектакли и вход был только по значкам, ты приходил в прачечную и просил у меня значки, и я доставлял корзинку, куда мы складывали значки, пуговицы, а иногда и монетки, которые вываливались у кого-нибудь из кармана, и давал тебе. Ну как жизнь во Фресно?

Я не знал, что ответить этому человеку, но я чувствовал себя знаменитым, раз меня запомнили. Лицо я его совершенно не помнил. Что же касается жизни во Фресно, я даже не знал, с чего начать.

Но быстрота реакции есть быстрота реакции, и я выпалил:

— Прекрасно, благодарю вас. Он спросил:

— А меня ты помнишь?

И я мгновенно сообразил, что лучше согнать, чем быть невежливым, и сказал:

— Ну конечно, мистер Эллис.

Вот тогда-то и начался мой путь в энциклопедию.

Перевела с английского
М. ИЗМАИЛОВА

На пути
в Энциклопедию

Я брошу по улицам Фресно в состоянии какого-то послеполуденного забытья и предлагаю прохожим «Ивнинг геральд»; уже почти месяц я ежедневно продаю газеты, хотя у меня еще нет права стоять на своем углу, права, получение которого зависит от количества газет, проданных за день в любом другом месте; и вот я стою перед витриной магазина спортивных товаров Хоумана, любуюсь красной, золотистой и черной наживкой, в которой искусно замаскированы крючки, чтобы обмануть рыбу, и мечтаю о рыбаке где-нибудь на берегу реки: как я вытаскиваю роскошную рыбину, словно это дар неба, а то и самих муз. И вдруг я вспоминаю, что мне надо продать еще десять газет, чтобы заработать свои двадцать пять центов и хоть чуточку приблизить тот момент, когда я получу, наконец, угол; итак, с мечтами покончено, и я снова начинаю приставать к прохожим:

— Газету, мистер? Газету, леди?

Но почти никто из женщин не ходил тогда по улицам Фресно без провожатого... В конце концов я перестал предлагать газету женщинам, во всяком случае перестал уговаривать их купить ее. Газеты продают мужчинам, а не женщинам. Уговаривают мужчин. Женщинами любуются. Их почитают, любят.

Спрашиваешь мужчину, не купит ли он газету. Если он колеблется, сообщаешь ему самую сенсационную новость дня, а это значит «который». Если из пятидесяти купит один, значит, торговля идет хорошо.

В тот далекий день — это было в 1918

году, почти два месяца спустя после того, как я распрошался с сиротским приютом Фреда Финча, вычеркнув его из памяти, словно я не провел там целых пять лет, вернулся домой во Фресно, в свою собственную семью, поменяв заведение, где царил порядок, на домашний очаг, где по порядку и не пахло, и, хочешь не хочешь, начал становиться армянином и принимать действительность такой, какова она есть, стараясь брать от нее как можно больше, — я догнал на Вэн Несс авеню сухощавого элегантного мужчину и обратился к нему:

— Газету, мистер?
Мужчина остановился, улыбнулся и сказал:

Рисунок В. СКРЫЛЕВА

43